

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

стр.

Александр и Ирина считались самой красивой парой 80-х.

Александр АБДУЛОВ:

"Я не имею права жениться, я повенчан с Алферовой"

— Так это в любом есть, — не соглашается Абдулов. — Снимай вас целый день скрытой камерой, вы будете и Коровьевым, и Стивой, и Ноздревым...

— Александр Гаврилович, сейчас говорим о вас.

— Понимаю. Кстати, Ноздрев, как для себя я выяснил, в "Мертвых душах" единственный положительный герой — он один не продал душу дьяволу. Эдакий постаревший Хлестаков: вот сидит он один-одинешенек в своей деревне и, чтобы разогнать скуку, все время себе что-нибудь придумывает. Развлекается, так сказать. Думаете, нужно ему было продавать этих несчастных собак — да не нужно. Мы там придумали эпизод, когда в деревне к Ноздреву выбегает человек тридцать детисшек. И все как один рыжие, такие как он. Представляете, вся деревня рыжая!

— Тоже развлечения ради?
— Ну конечно. А чего еще там делать?
— Аналогия — вы тоже живете в деревне, и...

— Ну это уже слишком. Я же актер, разнотипным быть обязан. Вот, к примеру, мы с вами встретились на проходной театра. Я хоть сейчас могу показать, как вы встали, как подошли, как сказали: "Комсомолец"... Но я же не специально это запоминаю. Это профессия, понимаете. Может, если когда-то буду играть корреспондента, я это возьму. А Ноздрев такой откуда взялся? У меня приятель есть, так когда мы с ним приходим на пляж, я обычно шушу: "Леша, свитер забыл снять". Вот и герою своему я придумал такой грим: рыжий парик, рыжие бакенбарды, рыжие усы — настоящая медная проволока. Потом расстегиваю рубашку — у меня и грудь такая же медная. Говорю: "Давно не брал я в руки шашек", засучиваю рукава — а у меня и руки такие.

— Это все замечательно. Другое волнует: у вас каждый год по четыре-пять картин. Плюс театр, телевидение, режиссура. Востребованность — штука хорошая, но нельзя же объять необъятное.

— Жизнь короткая — надо все успевать.
— А как насчет "остановиться, оглянуться"?

— А зачем?
— Наверное, чтобы что-то переосмыслить.

— Ну хорошо — ты переосмыслил. Дальше что?

— В жизни много лишнего, наносного...

— Кто вам сказал?! Ничего лишнего в жизни нет. Все мое. Мое-е! Хотите сказать, я чешу все подряд? Но скажите, пожалуйста: от Коровьева можно было отказаться, от Стивы, от Ноздрева? Как можно отказываться от таких ролей?! Нет, мол, я еще подумаю, я еще подумаю: а вдруг мне Гамлета предложат. Ну сиди и жди!

— Значит, бесконечная гонка: беготня, суета?..

— Это не гонка, это образ жизни. Извините, я приехал из Ферганы, в Москве у меня не было никого. И все, чего в этой жизни я добился, я добился сам. Если бы сидел и ждал, когда придет добрый дядя и даст мне конфетку, ни черта бы из меня не получилось... Конечно, устаю. Страшно устаю. Вот сейчас сплю и вижу, как 1 мая сяду в самолет, улечу в Астрахань, возьму лодку, один углыву в камыши и буду ловить рыбу. И так четыре дня. Каиф!

— То есть сейчас у вас предел, край, точка кипения?

— Знаете, актер вообще не должен говорить об усталости. Ну да, это край — дальше только гроб, летальный исход.

— А хватит ли в таком случае четырех дней?

— Мне? Вот так хватает! Четыре дня никого не вижу, не слышу, знать не хочу. Вот я снимаю часы, выключаю мобильник — все: меня нет, я выпадаю из этой жизни!

"Если бы я написал о всех своих женщинах, получился бы хороший многотомник"

— Вы в курсе, что за последнее время стали героем целой серии скандальных публикаций?

— Ой, такую херню пишут — что-то страшное. Что я уже на операцию лег, что с жопы перетянул кожу на лицо...

— Еще забыли про некое странное заболевание, после которого в театре с вами за руку никто не здоровается — боятся сразу подцепить.

— О, я такой версии еще не слышал. (Смеется.) Действительно, не все со мной здороваются за руку, да и я тоже не со всеми.

— Значит, в каждой шутке есть доля шутки.

— Да. Знаете, я ведь однажды сам про себя запустил одну шутку, что певица Пола Абдул моя сестра. Как все купились! Подходили: "Сань, чего ж ты молчал?" Так что написать можно все что угодно.

— Вам есть что скрывать?

— Конечно. Ошибок в жизни много надедал. Но ни о чем не жалею. Никогда. Ошибка? Да. Но это моя ошибка. Боль? Это моя боль. Актера нельзя жалеть. Люди, которые пришли в театр, не должны знать, что вчера, допустим, у тебя умер самый близкий человек. Им наплевать — они купили билеты: изволь, давай, солнце, играй.

— Сейчас на телевидении есть такая передача — ее, кстати, ваш знакомый Андрей Разбаш ведет, — куда можно прийти и покаяться во всех смертных грехах...

— Меня приглашали туда, но я не могу публично каяться. Я никогда не рассказываю о своей личной жизни...

— Чем, кстати, только подогреваете к ней интерес.

— Да ради бога, но никто не знает ее. Они придумывают — ну и пусть придумывают. Чего-то подсматривают, где-то подслушивают. Но я-то ничего не говорю. В мою профессию — лезьте, пожалуйста. Моя личная жизнь — это моя личная жизнь. Есть люди, которые пишут о том, как они спали с одной женщиной, с другой, с третьей. А те уже жены других людей давно, у них дети. Как вы считаете, это нормально?

— На Кончаловского намекаете?

— Да. Бог ему судья, но по моей морали, я считаю, это подло. Вот читает ребенок: оказывается, мою маму... Нет, я этого не понимаю. Представляете, если я сейчас напишу, с кем я

П оходка — стремительная, движения — резкие, речь — скороговоркой. Он всегда торопится и почти везде попевает. Актер, режиссер, сценарист, телеведущий — один во многих лицах.

Бегом, кувырком, галопом — объять необъятное для него не проблема.

Профессионал? Высокого класса. Человек? Сложный, разный.

Сейчас, впрочем, как и всегда, Александр Абдулов занят сразу в нескольких картинах.

Слабохарактерный и порочный Стива из "Анны Карениной", скользкий Коровьев из "Мастера и Маргариты", скандалист и бузотер Ноздрев из "Мертвых душ"...

Как это все напоминает Абдулова настоящего.

ЗАМИГРАННАЯ

ЖИЗНЬ

Стива из "Анны Карениной".

жил. Ну-у-у!.. Это был бы хороший многотомник, волосы бы у всех дыбом встали.

— Когда же мы прочитаем ваши признания?

— Не дождетесь.

— А может вам, как Ноздреву, наскутит жизнь, решите поразвлекаться.

— Никогда. Это табу. Это нельзя.

— Однако несколько лет назад вы стали героем передачи "Пока все дома". С вами была девушка...

— Ну и что? Я не менял пока сексуальной ориентации. Вот если бы рядом со мной находился мальчик — дело другое.

— Да, но тогда же пустили в свою личную жизнь.

— Я не говорил: "Вот это моя девушка. Ее зовут..."

— Подразумевалось.

— Ради бога.

— Сейчас рядом с вами кто?

— В смысле? У меня есть любимая девушка, да. Не та, что была в "Пока все дома", — другая.

— Она намного младше вас?

— Младше.

— Кем она работает, где вы познакомились?

— Какая разница? Поверьте мне на слово: она очень красивая и очень хорошая. И очень умная.

— С вами, наверное, может быть либо полная дура, либо очень умная, ведь так?

— Со мной? Только умные. Мне уже столько лет, что переделал меня невозможно. Если женщина понимает, что я такой, а другим уже никогда не стану, — ну вот я весь: Саша Абдулов, — если понимает, она рядом.

— Давно с ней живете? Несколько лет?

— Меньше.

— Ее зовут?

— Не надо! Я же вам заранее сказал, что не стану ничего говорить о личной жизни. В одной газете, я долго смеялся, поместили фотографию якобы моей девушки, которая на самом деле давно уже живет во Франции и рожает там ребенка.

Коровьев из "Мастера и Маргариты".

— Живете за городом?

— А чего я вам буду говорить, где мы живем, сейчас туда прибегут и будут через забор...

— Ну это уж слишком — у вас что, магия преследования?

— Ничего не слишком — знаете, сколько я гоняю? Я ведь давно уже куда-то не хожу: ни на тусовки, ни на презентации. Знаю: как только где-нибудь появлюсь, на следующий день будет куча фотографий и куча разговоров.

— Александр Гаврилович, давайте перестанем играть в кошки-мышки. Народ хочет знать: почему до сих пор тянете с женьбой?

— А я не имею права жениться.

— Это еще почему?

— А мы повенчаны с Алферовой.

— Но вы ведь давно в разводе.

— Нет, это бумажка. Только так к ней всегда и относился. У меня отец — член партии, Ленина играл! — не был женат на матери никогда. Трое детей, а жили гражданским браком. Папа считал: если они пойдут в загс и поставят печать, это мать сильно обидит...

— Однако Алферова вышла замуж...

— Это ее проблема. Все, что я говорю, я говорю лишь за себя. Я могу жить только гражданским браком.

"Еще чуть-чуть, и я проиграл бы квартиру, машину, бросил бы театр..."

— В казино сейчас не играете?

— Играю иногда. Но, конечно, не так, как раньше.

— А разве от этой болезни можно излечиться?

— Можно. У меня-то был просто клинический случай — каждый день ходил в казино как на работу. А однажды наступил момент, когда я понял, что еще секунда (пальцы Абдулова издают звонкий щелчок) — и тумблер сработает, у меня просто уедет крыша.

— К стульям вас не привязывали?

— Нет, слава богу, до этого не дошло. С этой иглы я лесочил сам. Тыфу-тыфу-тыфу (плюет через левое плечо и стучит по столу). Хотя, признаюсь, еще чуть-чуть, и я бросил бы театр, продал квартиру, машину — все бы проиграл.

— С какого года ведет начало история болезни?

— Это когда в Москве открылось первое казино — в "Ленинградский". Та еще компания собиралась: это были абсолютно сумасшедшие люди, абсолютно больные. И я не исключение — был момент, когда мне казалось, что карту уже видишь насквозь.

— Самый крупный выигрыш?

— Много было. Однажды я выиграл 62 тысячи. Долларов, естественно. 30 тысяч выигрывал...

— Но проигрывали, наверное, чаще — иначе бы не соскочили.

— Страшно вспомнить, однажды я проиграл весь свой гонорар. Причем за итальянскую картину. Не хочу даже вспоминать сколько.

— Ну хотя бы порядок цифр: сотни тысяч?

— Не-не-не!

— Неужели миллионы?

— Ага, конечно. Причем спросил, что за день был, — оказалось 13-е число, пятница. В этот день из дома-то выходить нельзя.

— Ну что же вы, Александр Гаврилович, такие вещи опытный игрок должен учитывать.

— Вот бес попутал.

— Сейчас ваш бес успокоился?

— Ну бывает иногда, поиграваю. Если нахватаются лишние деньги. Пришли, допустим, в ресторан, а там казино: пойдём поиграем — пойдём. Но я знаю, что проиграть могу только определенную сумму, больше — не имею права. Просто я понял, что такое игра. Ведь на чем построено казино? Выигрывает тот, кто может вовремя сказать себе "стоп", встать и уйти с выигрышем. Сколько раз ко мне подходили: "Саш, ну уже столько выиграл, уходи". — "Сейчас-сейчас, еще разочек". И уходил ни с чем. Как в том анекдоте, когда из казино выходят двое: один в трусах, а другой вообще голый. И который в трусах говорит: "Ну ты азартный!"

— Как насчет другого распространенного актерского порока? Понимаете, о чем я.

— Это, что ли? (Делает характерный щелчок по горлу.) Я могу выпить, да, могу. Но вообще не понимаю, как можно пить, если у тебя вечером спектакль. Не потому, что я какой-то там широко сознательный, — просто профессия не позволяет. Она потом так тебе отомстит! Я не знаю, что такое выпить во время съемок...

— А если перерыв?

— А дальше снова съемки?

— Нет, на месяц, два...

— А-а! Да ради бога. Но меру четко знаю.

— Правда? А я слышал, что выпивший Абдулов — это нечто страшное.

— Ну если в этот момент ко мне будет проявлено какое-то хамство, могу дать по роже. Когда я этому козлу, Кухамшвили, что ли... Отар, Отар... как же его...

— Кушанашвили?

— Да. Я сижу в казино. А этот, проходя мимо, бросает мне в спину какую-то гадость. Ну я просто встал и двинул ему по роже. Он упал.

А на следующий день сообщил во все СМИ, что подает на меня в суд. На что я сказал: "С удовольствием. Я в присутствии судьи дам ему по роже еще раз". Потому что хам, тварь!..

— Но он ведь тоже в какой-то степени актер, это только маска негодяя.

— Ну, значит, я бил не по лицу, а по маске.

— Да вы просто опасный человек.

— Нет, я адекватен. Меня нужно очень сильно разозлить, очень достать, чтобы вывести из себя. Я ненавижу, когда меня исподтишка фотографируют. Сидишь ешь, а этот урод...

— Тоже, что ли, встаете и сразу по роже?

— Зачем? Я забираю фотоаппарат и бью об пол.

— Папарацци — тоже работа.

— А мне насрать! Я что, занимался ему позировать? За это бьют, это неприлично! Однажды я дал по морде редактору газеты, потому что написал про меня какую-то пошлость. Про меня и Макаревича.

— Почему же про вас все время пошлости пишут?

— Откуда я знаю. Головки-то у всех испорченные, в башке одно говно сидит.

"Я боюсь поклонниц — они сумасшедшие"

Звонки мобильного в момент охлаждения пыл разгоряченного артиста. Нажав "сброс", Абдулов придвигает к себе горсть разбросанных по столу конвертов, распечатывает один. На листке бумаги — причудливые разноцветные узоры, между ними — малопонятные надписи...

— Что там? — интересуюсь.

— Нет, это я боюсь читать даже. (Вскрывает другое.) О, здесь фотография. Девушка.

— И что пишет девушка?

— Я без очков не вижу (Щурится.) "Сегодня, 21 марта, мы решили поздравить вас, уважаемый народный артист, с началом весны..." Вот это замечательно. Просто поклонницы бьют и сумасшедшие, есть абсолютно больные. Одна в Ленинграде уже много лет встречает меня на вокзале...

— Ну и что же здесь плохого?

— Ну как: топором меня уже рубили — какой-то сумасшедший залез ко мне в дом, серную кислоту на меня выливали... Я их просто боюсь — кто знает, что у них на уме. Одна, помню, ко мне подбежала, как закричит: "Я должна вам сказать, я не могу молчать, я должна!". И подводит ко мне парня: "Это ваш сын". Посмотрел на него: "Сынок, тебе лет-то сколько?" Он говорит: "Тридцать два". Я так посчитал: в 13 лет мог, конечно, но вряд ли. Говорю ему: "Мальчик, иди отсюда".

— Как думаете, вас есть за что ненавидеть?

— Есть, конечно. Поначало столько на меня анонимки писали — просто тома. Меня же выгоняли из театра, я был шесть лет невыездным. Всякое бывало. А когда в соответствующих структурах мне дали разрешение на эти анонимки посмотреть, мы с Сашей Олейниковым (в недалеком прошлом ведущий канала ТВ-6. — Д.М.) придумали такую передачу: мол, будем подходить к этим людям, спрашивать: "Как вы относитесь к Абдулову?" А когда последует ответ: да, Абдулов — замечательный артист, такой человек, он раз: "А как же так получается..." — и достает из-за пазухи анонимку. Все уже было на мази, Олейников пошел в архив забирать дело. Но ему сказали: "А мы вам не можем отдать". Там была замечательная формулировка: "Потенциально возможен контакт с президентом".

— У вас?

— Да, представляете? А многие из тех, кто строчил на меня анонимки, до сих пор в театре работают.

— Это с ними вы не здороваетесь за руку?

— Почему — здороваюсь. Ну что с них взять — несчастные люди.

— А вы счастливы?

— Себе я могу сказать: Господи, какой же я несчастный, как я устал — куда не пойдешь, никуда не выйдешь, по улице ходить нельзя. Это я себе могу сказать. Вам — никогда.

Дмитрий МЕЛЬМАН.